

УДК 159.922

Татьяна Евгеньевна Яценкоканд. психол. наук, доц., декан факультета педагогики и психологии
Барановичского государственного университета**Tatiana Yatsenko**PhD in Psychology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Baranovichi State University
e-mail: t.e.yatsenko@mail.ru**ВИКТИМНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ВАРИАТИВНЫХ ФОРМ
ВИКТИМИЗИРУЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ**

Актуализируется проблема виктимного поведения подростков в современном обществе. Приводится понимание сущности виктимного поведения в русле субъектно-средового подхода. Раскрывается амбивалентность, неоднозначность в понимании сущности феномена виктимности в психологии по критериям стигматизации и делегирования чувства вины жертве/агрессору, ревиктимизации виктимной личности в среде типичных жертв, адаптивности/дезадаптивности виктимного поведения. Описываются результаты эмпирического исследования склонности подростков к различным видам виктимного поведения (агрессивное, зависимое, самоповреждающее, некритичное, гиперсоциальное). Отражаются выявленные половые различия в выраженности виктимности подростков в различных системах отношений: «подростки – педагоги», «подростки – сверстники», «подростки – родители», «подростки – виртуальные партнеры по коммуникации». Приводятся эмпирически установленные формы виктимизирующих воздействий в различных системах отношений, к которым в наибольшей степени уязвимы мальчики и девочки подросткового возраста.

Ключевые слова: виктимность, виктимное поведение, виктимизация, форма виктимизации, подростковый возраст.

**Victimhood of Modern Adolescents in Different Relationship Systems
under the Conditions of Application of Variative Forms of Victimizing Impacts**

The problem of victim behavior of adolescents in modern society is actualized. An understanding of the essence of victim behavior in line with the subject-environmental approach is given. The article reveals ambivalence, ambiguity in understanding the essence of the phenomenon of victimization in psychology according to the criteria of stigmatization and delegation of guilt to the victim/aggressor, revictimization of the victimized personality among typical victims, adaptability/maladjustment of victim behavior. The article describes the results of an empirical study of the tendency of adolescents to various types of victim behavior (aggressive, dependent, self-harming, uncritical, hypersocial). The revealed gender differences in the severity of victimization of adolescents in various systems of relations are reflected: «adolescents – teachers», «adolescents – peers», «adolescents – parents», «adolescents – virtual communication partners». Empirically established forms of victimizing influences in various systems of attitudes, to which adolescent boys and girls are most vulnerable, are presented.

Key words: victimhood, victim behavior, victimization, form of victimization, teenage years.

Введение

Виктимное поведение в современной психологической науке трактуется как способ социальной адаптации вследствие несформированности стратегий суверенного поведения (С. К. Нартова-Бочавер, М. А. Одинцов); форма асубъектности личности по причине диффузного состояния личностных границ и неразвитости субъектных качеств, трудности осознания человеком себя и позиционирования как субъекта в межличностных отношениях (В. В. Селиванов, Т. Е. Яценко); рождение девиантной активности, но-

сящей компенсаторный характер (Л. В. Жихарева).

При описании феномена виктимности ученые оперируют такими терминами, как виктимная организация личности (виктимные потребности, установки, состояния) (О. О. Андронникова), виктимная деформация личности (Е. С. Фоминых, Т. Е. Яценко), виктимный потенциал (М. П. Долговых), виктимность как сочетание виктимной идентичности и жертвенной позиции (О. О. Андронникова). При этом виктимность может носить характер предрасполо-

женности. Ее активация (виктимное поведение, реализованная виктимность) определяется ситуационным контекстом.

Виктимное поведение рассматривается нами в русле субъектно-средового подхода как исполнение человеком в межличностном взаимодействии роли жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее его психологическую виктимизацию и ревиктимизацию [1]. Личностные границы определяют уровень психологической безопасности личности в межличностных отношениях и психологического благополучия, возможность персонализации и реализации собственных интенций, интеллектуального ресурса в деятельности.

В настоящее время феномен виктимности начинает рассматриваться в новых ракурсах, наблюдается осознание его амбивалентной природы.

В частности, С. И. Воронина поднимает проблему возникновения культуры виктимности как ценностной установки человека, проявляющейся в стратегиях защиты собственной личности и социальной идентичности через делегирование другим людям ответственности за решение своих проблем [2]. Она акцентирует внимание на возникновении моральной иерархии в сознании общества вследствие распространения культуры виктимности: приоритет права жертвы на высказывания, дискриминация агрессоров («не жертв») вне объективного рассмотрения ситуации, обмен позициями нападающего и жертвы (только на основании обвинения со стороны жертвы другому человеку, не имеющему намерения причинения вреда, приписывается агрессивная мотивация поведения, и он становится объектом социального осуждения).

В то же время существует риск ревиктимизации виктимной личности, ставшей жертвой того или иного вида насилия (физического, психологического, киберпреследования и пр.) вследствие виктимблейминга. Виктимблейминг может быть связан с верой людей в справедливость мира, позволяющей им сохранять иллюзию контроля над своей жизнью и чувствовать себя в безопасности с одной стороны и обуславлива-

ющей склонность обвинять жертву в акте насилия и приписывать ей большую ответственность, чем агрессору, за произошедший инцидент с другой стороны [3].

А. Е. Сериков, рассматривая феномен виктимности, предлагает оперировать категорией «маргинальная жертва», понимая под ней лиц, подвергающихся менее распространенным видам виктимизации в обществе и являющихся по этой причине менее понятными для большинства других людей, имеющих опыт переживания наиболее часто распространенного вида насилия (например, посягательства на собственность, экономическое насилие) [4]. Таким образом, возникает психологический барьер в общении между разными типами жертв, дифференцируемых по критерию типичности – нетипичности для общества вида насилия, от которого они пострадали или страдают. Вследствие этого жертва может переживать двойную виктимизацию (со стороны социального окружения и со стороны жертв, переживших иные виды насилия и считающих нетравматичным опыт переживания насилия маргинальной жертвой). Маргинальная жертва – это также человек, пострадавший от насилия, но излагающий сам инцидент не так, как того ожидает его социальное окружение (пытается развеять миф о девиантности агрессора и невинности других пострадавших).

Нильс Кристи перечислил признаки «идеальной», или «прототипической», жертвы, несоответствие которым автоматически перемещает человека, пострадавшего от виктимизации, в статус маргинальной жертвы: слабость жертвы (физическая, психологическая), социально одобряемый вид активности, отсутствие оснований для ее обвинения в попадании в виктимогенную ситуацию, девиантность агрессора (преобладание в профиле личности негативных черт, девиантная активность) [5].

Виктимное поведение можно рассматривать и как адаптивное, и как дезадаптивное (опасное), что также подтверждает сложность и неоднозначность данного психологического феномена. О. О. Андронникова под адаптивным виктимным поведением понимает поведение социально одобряемое и ожидаемое от человека как носителя определенной социальной роли, существенно повышающее его риск стать жерт-

вой. Деадаптивное виктимное поведение характеризуется низкой вариативностью, создает трудности в социальном функционировании, снижает самооценку и катализирует процесс формирования виктимной идентичности личности [6]. Таким образом, адаптивное виктимное поведение не связано с наличием виктимной деформации личности.

Учитывая, что подростковый возраст является периодом повышенной психологической уязвимости личности к виктимизирующим воздействиям, повышенного риска возникновения виктимной деформации личности, принятия позиции жертвы в межличностных отношениях и освоения модели виктимного поведения, нами было проведено исследование с целью выявления возрастных особенностей и половых различий в склонности подростков проявлять виктимное поведение и позиционировать себя как жертву в различных системах отношений в ответ на виктимизирующие воздействия.

Исследование было ориентировано на решение следующих эмпирических задач:

1) установить иерархию видов виктимности и виктимного поведения, к которым в наибольшей степени предрасположены мальчики и девочки подросткового возраста;

2) определить области межличностных отношений, в которых с наибольшей вероятностью может активироваться виктимный потенциал личности подростков;

3) выяснить виды виктимизирующих воздействий, для совладания с которыми у девочек и мальчиков подросткового возраста в силу возрастных особенностей еще не достаточно развит личностный ресурс.

Материал и методы исследования

Выборку исследования составили 200 человек: 100 мальчиков и 100 девочек подросткового возраста (14–16 лет).

В исследовании использованы эмпирические (тестирование) и статистические (однофакторный дисперсионный анализ, регрессионный анализ, критерий различий – Т-критерий Стьюдента) методы. Вычисление критерия Колмогорова – Смирнова показало, что распределение эмпирических данных соответствует нормальному (критерий не значимый, $p < 0,05$), что подтвер-

ждает возможность применения параметрического критерия различий Стьюдента.

Методики исследования представлены следующими опросниками: «Диагностика склонности к виктимному поведению» (О. О. Андронникова), «Опросник академической виктимности», «Опросник межличностной виктимности», «Опросник виктимности в детско-родительских отношениях», «Опросник виртуальной виктимности», «Опросник личностной виктимности» (Т. Е. Яценко, Н. И. Олифирова, О. В. Белановская, Н. К. Плавник, И. В. Шматкова, Л. А. Русецкая).

В тексте статьи используются следующие условные сокращения: *AB* – академическая виктимность; *BB* – виртуальная виктимность; *MB* – межличностная виктимность; *ВДРОТ* – виктимность в детско-родительских отношениях; *ЛВ* – личностная виктимность.

Результаты исследования и их обсуждение

Виктимность подростков в различных системах отношений. Вычисление апостериорного критерия Дункана показало, что для мальчиков и девочек подросткового возраста характерна схожая иерархия выраженности виктимности в различных областях отношений.

В наибольшей степени мальчики и девочки подросткового возраста склонны воспроизводить виктимное поведение в детско-родительских отношениях (ср. знач. $M = 109,9$; ср. знач. $D = 109,1$; $Duncan_{ВДРОТ-ЛВ} = 0,000004$; $Duncan_{ВДРОТ-МВ} = 0,001-0,18$; $Duncan_{ВДРОТ-ВВ} = 0,01-0,02$) и в общении с педагогами (ср. знач. $M = 104,1$; ср. знач. $D = 104,4$; $Duncan_{AB-ЛВ} = 0,00003$; $Duncan_{AB-МВ} = 0,06-0,89$; $Duncan_{AB-ВВ} = 0,18-0,38$). Подростки не овладели конструктивными способами защиты психологического пространства своей личности во взаимодействии со взрослыми. Они демонстрируют растерянность, смирение или агрессию, стремясь защитить личностных границ, только усиливающие интенсивность виктимизирующих воздействий взрослых, в ответ на действия взрослых, связанные с обесцениваем их чувств и переживаний, интересов и достижений, с унижением в присутствии других людей, с попытками распоряжаться их свободным временем и личными веща-

ми, с демонстрацией отношения к ним как к менее значимому и важному члену семьи, с делегированием им ответственности за решение проблем других членов семьи.

Девочки (ср. знач. МВ = 103,9; ср. знач. АВ = 104,4; ср. знач. ВДРОТ = 109,2; $Duncan_{МВ-ВДРОТ} = 0,18$, $Duncan_{МВ-АВ} = 0,89$) в отличие от мальчиков (ср. знач. МВ = 96,5; ср. знач. АВ = 104,1; ср. знач. ВДРОТ = 109,9; $Duncan_{МВ-ВДРОТ} = 0,001$, $Duncan_{МВ-АВ} = 0,06$) проявляют виктимность в отношениях со сверстниками с такой же степенью вероятности, как и в отношениях со взрослыми. Они склонны подстраиваться под желания и ожидания сверстников, испытывают страх персонализации в межличностных отношениях вследствие неприятия своего «Я» и негативного прошлого опыта самораскрытия, подтверждая тем самым мнение сверстников о том, что они слабые, беззащитные, слабохарактерные, готовы прощать постоянный жесткий контроль и ограничения. Они привыкли ставить потребности и желания сверстников выше собственных, не чувствительны к себе. Отсутствие сопротивления со стороны девочек, открытого вербального обозначения собственного недовольства таким обращением обуславливает подкрепление представлений их сверстников о том, что отношение к ним как к объекту в межличностных отношениях является допустимым и приемлемым (объектное отношение, согласно Н. И. Сарджвеладзе, предполагающее потребительский и манипулятивный подход к другим людям [7, с. 90–94]).

Вторую позицию занимает виртуальная виктимность, или виктимность, проявляемая в процессе коммуникации в социальных сетях Интернет в иерархии видов виктимности девочек (ср. знач. = 99,2; $Duncan_{ВВ-АВ} = 0,18$, $Duncan_{ВВ-МВ} = 0,20$, $Duncan_{ВВ-ЛВ} = 0,0002$, $Duncan_{ЛВ-ВДРОТ} = 0,01$) и мальчиков (ср. знач. = 100,8, $Duncan_{ВВ-АВ} = 0,39$, $Duncan_{ВВ-МВ} = 0,27$, $Duncan_{ВВ-ЛВ} = 0,001$, $Duncan_{ЛВ-ВДРОТ} = 0,02$).

В наименьшей степени по сравнению с другими видами виктимности у мальчиков (ср. знач. = 87,5; значение критерия Дункана варьирует от 0,000004 до 0,02) и девочек (ср. знач. = 85,6; значение критерия Дункана варьирует от 0,000003 до 0,0002) выражена личностная виктимность. Это указывает на то, что в подростковом возра-

сте процесс виктимной деформации личности только начинается, формируется установка на виктимное поведение в определенном спектре жизненных ситуаций.

Таким образом, для подростков виктимогенным потенциалом обладают в большей степени реальные межличностные отношения, чем виртуальная коммуникация. При этом общение со взрослыми для подростков чаще актуализирует их потенциальную склонность к виктимному поведению, чем общение со сверстниками.

Иерархия склонности подростков к различным видам виктимного поведения. Значения апостериорного критерия Дункана в рамках однофакторного дисперсионного анализа показали схожую иерархию склонности к видам виктимного поведения у мальчиков и девочек подросткового возраста. Чаще всего подростки демонстрируют агрессивное виктимное поведение, существенно повышающее риск ревиктимизации (ср. знач. М = 12,3; ср. знач. Д = 13,6; $Duncan_{АВ-СВП} = 0,00001$, $Duncan_{АВ-ГВП} = 0,000004$, $Duncan_{АВ-ЗВП} = 0,000003$, $Duncan_{АВ-НВП} = 0,000001$).

Проведенные нами исследования показали, что агрессивное виктимное поведение часто сопряжено с наличием у подростков рентных установок на виктимное поведение (агрессия как реакция в ответ на нежелание социального окружения признавать их статус жертвы и предоставлять им преференции в сравнении с их сверстниками), а также может рассматриваться как нормотипичное для подросткового возраста, учитывая эмоциональную лабильность, категоричность, сверхкритичность, подверженность буллинговым процессам подростков [8].

Вторую позицию по частоте встречаемости занимают не критичное (ср. знач. М = 9,5; ср. знач. Д = 9,8; $Duncan = 0,000003–0,00001$), самоповреждающее (ср. знач. М = 9,3; ср. знач. Д = 9,5; $Duncan = 0,00001–0,00005$) и зависимое (ср. знач. М = 9,1; ср. знач. Д = 9,5; $Duncan = 0,000003–0,0001$) виктимное поведение.

О. О. Андронникова обращает внимание на то, что самоповреждающее поведение выступает для виктимных подростков способом снятия эмоционального напряжения, отвлечения от переживания психологически травмирующего события [9, с. 94].

Кроме того, самоповреждение можно рассматривать как инверсию агрессии (вместо ориентации на виктимизатора она адресует себя) или следствие сформированной склонности к диссоциации (смотреть на себя, оценивать себя с позиции не принимающего, отвергающего и порицающего агрессора).

Одним из механизмов формирования склонности к зависимому виктимному поведению О. О. Андронникова называет «пограничную мечту», или желание стать лучше и компенсировать фрагментарность собственной личности, диффузность идентичности посредством установления симбиотических отношений с сильной, успешной личностью [9, с. 94].

Реже всего подростки обращаются к модели гиперсоциального виктимного поведения, являющегося разновидностью адаптивного виктимного поведения (ср. знач. $M = 6,7$; ср. знач. $D = 6,2$; $Duncan = 0,000004 - 0,0001$).

Таким образом, подростки склонны проявлять разновидности дезадаптивного виктимного поведения чаще, чем адаптивного виктимного поведения.

Межличностная виктимность подростков. Группу риска составляют 18 % подростков с высоким уровнем межличностной виктимности (средний уровень выявлен у 67 %, низкий – у 15 % подростков). Имеют место следующие статистически значимые половые различия в проявлении межличностной виктимности: девочки в большей степени, чем мальчики склонны к проявлению виктимного поведения в ситуациях принижения ($t = 2,13$; $p = 0,04$), изоляции ($t = 2,47$; $p = 0,02$), терроризирования ($t = 1,95$; $p = 0,05$) сверстниками. У девочек быстрее, чем у мальчиков, формируются паттерны виктимного поведения, о чем свидетельствует их большая склонность позиционировать себя как жертву в ситуациях взаимодействия со сверстниками даже при отсутствии виктимизирующих воздействий с их стороны ($t = 2,00$; $p = 0,05$). Девочки предрасположены к развитию межличностной виктимности во взаимодействии со сверстниками в большей степени, чем мальчики ($t = -1,82$; $p = 0,07$).

Согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа (уровень значимости апостериорного критерия Дункана

варьирует от 0,01 до 0,09) мальчики чаще всего в межличностных отношениях со сверстниками склонны демонстрировать виктимные реакции в ответ на действия принуждения (ср. знач. = 11,6) и в ситуациях фрустрации (ср. знач. = 11,4). Мальчикам сложно отказывать сверстникам, просьбы или требования которых не согласуются с их собственными ценностными приоритетами, жизненными принципами или вызывают у них негативные эмоции (обида, злость, отвращение и пр.). Отказ в сознании подростков сопряжен с высоким риском потери расположения сверстников. Мальчики не способны критично оценивать действия сверстников, связанные с намеренным фрустрированием их социальных потребностей (в принятии, уважении, высокой оценке достижений). В ситуациях-препятствиях они демонстрируют интрапунитивные реакции с самообвинениями и культивированием у себя эмоции стыда.

В наименьшей степени мальчики уязвимы к таким виктимизирующим воздействиям сверстников, как принижение (ср. знач. = 9,7), терроризирование (ср. знач. = 10,0), игнорирование (ср. знач. = 10,0).

В отличие от мальчиков все формы виктимизации со стороны сверстников способны в равной степени побуждать девочек к виктимному поведению (значения критерия Дункана при $p > 0,05$).

Академическая виктимность подростков. Группа риска представлена 27 % подростков, обладающих высоким уровнем академической виктимности (средний уровень свойственен 60 %, низкий – 13 %). Мальчики и девочки статистически значимо не различаются в уровне академической виктимности ($t = 0,08$, $p = 0,93$), а также в восприимчивости к различным формам виктимизирующих воздействий педагогов и в склонности проявлять поведение по типу жертвы в ответ на виктимизацию со стороны педагога ($t = 0,07 - 0,78$, $p \geq 0,05$).

Как мальчики, так и девочки обладают готовностью к активации своей потенциальной склонности к виктимному поведению в равной степени в различных ситуациях виктимизации со стороны педагогов (значение критерия Дункана при $p > 0,05$).

Виктимность в детско-родительских отношениях. Группу риска составляют 50 % подростков (средний уровень опреде-

лен у 44 %, низкий – у 6 %). Половые различия в выраженности данного вида виктимности не установлены ($t = 0,18$, $p = 0,86$). В наименьшей степени мальчики уязвимы к таким виктимизирующим воздействиям родителей, как изоляция и игнорирование. К позиционированию себя подростками как

жертвы в детско-родительских отношениях и возникновению виктимной деформации личности приводят такие виктимизирующие воздействия родителей, как принижение, терроризирование, принуждение, отвержение, фрустрирование, инфантилизация (таблица 1).

Таблица 1. – Различия в виктимности в детско-родительских отношениях мальчиков при различных формах виктимизации

Форма виктимизации	1 M = 11,000	2 M = 11,100	3 M = 10,720	4 M = 11,020	5 M = 11,000	6 M = 10,960	7 M = 12,080	8 M = 10,860
1. Принижение		0,883772	0,681861	0,975148	1,000000	0,947674	0,116217	0,830703
2. Инфантилизация	0,883772		0,602947	0,896101	0,878645	0,842500	0,107831	0,738747
3. Изоляция	0,681861	0,602947		0,676117	0,690686	0,713776	0,056128	0,818323
4. Терроризирование	0,975148	0,896101	0,676117		0,973289	0,929642	0,100459	0,819883
5. Принуждение	1,000000	0,878645	0,690686	0,973289		0,951309	0,106547	0,837797
6. Отвержение	0,947674	0,842500	0,713776	0,929642	0,951309		0,109893	0,869674
7. Фрустрирование	0,116217	0,107831	0,056128	0,100459	0,106547	0,109893		0,085048
8. Игнорирование	0,830703	0,738747	0,818323	0,819883	0,837797	0,869674	0,085048	

Таким образом, воспитательные воздействия родителей, связанные с введением ограничений с целью получения всестороннего контроля над внешней активностью мальчиков, а также с отсутствием эмоционального отклика на их потребности и попытки к взаимодействию, наказанием невниманием и отсутствием интереса к их самораскрытию, не являются психотравмирующими. Данный факт может быть связан с тем, что эти воздействия не сопряжены с демонстрацией стойкой негативно окрашенной эмоциональной оценкой личности под-

ростка, не стимулируют мальчиков переживать собственную пространственно-временную неуместность, не активируют у них чувства стыда и вины, катализирующие возникновение амбивалентных чувств к себе (жалость, сочувствие и ненависть, неприятие).

В отличие от мальчиков девочки более уязвимы к таким виктимизирующим воздействиям родителей, как инфантилизация, терроризирование и отвержение (таблица 2).

Таблица 2. – Различия в виктимности в детско-родительских отношениях девочек при различных формах виктимизации

Форма виктимизации	1 M = 10,22	2 M = 11,56	3 M = 11,00	4 M = 11,66	5 M = 10,74	6 M = 11,60	7 M = 11,24	8 M = 11,02
1. Принижение		0,055422	0,234163	0,044248	0,398032	0,051640	0,142908	0,240995
2. Инфантилизация	0,055422		0,414645	0,879789	0,242475	0,948170	0,602999	0,412147
3. Изоляция	0,234163	0,414645		0,359668	0,672605	0,395530	0,716381	0,974089
4. Терроризирование	0,044248	0,879789	0,359668		0,205164	0,922323	0,541720	0,364289
5. Принуждение	0,398032	0,242475	0,672605	0,205164		0,229520	0,466941	0,671583
6. Отвержение	0,051640	0,948170	0,395530	0,922323	0,229520		0,585403	0,397973
7. Фрустрирование	0,142908	0,602999	0,716381	0,541720	0,466941	0,585403		0,720680
8. Игнорирование	0,240995	0,412147	0,974089	0,364289	0,671583	0,397973	0,720680	

Таким образом, девочки воспринимают воздействия родителей, поощряющие поведение, соответствующее детскому возрасту, и иждивенческие тенденции в поведении, препятствующие дифференциации элементов совмещенной психологической системы «взрослый – ребенок», образованной на ранних этапах онтогенеза, как под-

крепление модели виктимного поведения и начинают устойчиво демонстрировать виктимные реакции (беспомощность, слабость, уклонение от ответственности и пр.). Усвоение соответствия содержания своего психологического пространства личности родительским ожиданиям, как главного условия ценности их личности, побуждает дево-

чек к делегированию родителям права нарушать их личностные границы, рассматривать их не как самостоятельную и автономную личность, а как пространство для своей персонализации, отрицать свои переживания (низкий уровень доверия к себе) и доверять родительским интерпретациям среды и их личности.

Виртуальная виктимность подростков. Высокий уровень виртуальной виктимности характерен для 23 % подростков (средний уровень у 66, низкий – у 11 %). Имеет место тенденция к половым различиям в проявлении виртуальной виктимности: мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к демонстрации виктимных реакций в сети Интернет в ситуациях изоляции виртуальными партнерами по общению ($t = 1,72, p = 0,09$).

Мальчики в равной степени чувствительны к различным видам виктимизирующих воздействий в сети Интернет (значения критерия Дункана при $p > 0,05$). В то время как девочки чаще всего склонны виктимно реагировать в ситуациях принижения в виртуальной коммуникации (ср. знач. = 11,9) и реже проявляют поведение по типу жертвы в ответ на действия изоляции (ср. знач. = 10,5) и принуждения (ср. знач. = 10,6) ($Duncan_{1-3} = Duncan_{1-5} = 0,04$).

В поведенческом репертуаре девочек не представлены конструктивные эффективные стратегии совладания с принижением в сети Интернет. В ситуациях принижения они чувствуют скорее растерянность, обиду и стыд, чем злость, и ведут себя так, что выдают кибер-буллерам свою ранимость и уязвимость: просят прекратить подобные действия, пытаются оправдаться, смиряются и не пробуют защитить себя.

Личностная виктимность подростков. Высокий уровень личностной виктимности в самокатегоризации выявлен у 27 % подростков. Они относят себя к людям, которым не везет и предначертано страдать от несправедливости и грубости других людей, с которыми не считаются другие люди, которые являются жертвами обстоятельств. Они сопротивляются тому, чтобы изменить представление о себе, отвергая и отрицая факты, опровергающие их мнение.

Высокий уровень личностной виктимности в самовосприятии и самооотноше-

нии установлен у 26 % подростков. Такие подростки в своем личностном профиле склонны замечать преимущественно виктимные черты: слабость, незащищенность, уязвимость, дефензивность, ранимость, неумение противостоять давлению и пр. Они испытывают амбивалентные чувства к себе: жалость и сочувствие наряду с неприязнью и стыдом.

Средний уровень виктимности в самокатегоризации диагностирован у 56 % подростков, в самовосприятии – 64 %, в самооотношении – 49 %; низкий уровень в самокатегоризации – у 17 %, в самовосприятии – у 10 %, в самооотношении – 25 %. Отсутствуют половые различия в выраженности виктимности в самокатегоризации ($t = 0,70, p = 0,49$), самовосприятии ($t = 0,04, p = 0,97$), самооотношении ($t = 0,32, p = 0,75$).

Подростки обоих полов в одинаковой степени подвержены формированию виктимности в самооотношении, самовосприятии и самокатегоризации (значения критерия Дункана при $p > 0,05$).

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет обозначить следующие особенности виктимного поведения современных подростков.

1. Подростки в наибольшей степени предрасположены к активации виктимного потенциала личности в межличностных отношениях со взрослыми (родителями, педагогами).

2. Девочки с большей вероятностью, чем мальчики, демонстрируют виктимные реакции в межличностных отношениях со сверстниками. В проявлении академической, виртуальной виктимности и виктимности в детско-родительских отношениях мальчики и девочки статистически значимо не различаются.

3. У большинства подростков выявлен средний уровень межличностной (во взаимодействии со сверстниками), академической (во взаимоотношениях с одноклассниками, учителями по учебным вопросам), виртуальной виктимности и высокий уровень виктимности в детско-родительских отношениях. По причине высокого уровня выраженности указанных видов виктимности группу риска составляет около трети подростков.

4. Область виртуальной коммуникации в большей степени психологически безопасна для подростков, чем область реальной коммуникации: в меньшей степени вызывает воспроизводство модели виктимного поведения. При этом мальчики с большей вероятностью, чем девочки, могут входить в группу риска вследствие проявления дезадаптивного виктимного поведения провокационного характера в сети Интернет в случае применения виртуальными партнерами действий изоляции.

5. Подростки демонстрируют виды дезадаптивного виктимного поведения (агрессивное виктимное поведение) чаще, чем адаптивного виктимного поведения (гиперсоциальное виктимное поведение).

6. Мальчики более уязвимы к таким виктимизирующим воздействиям, как фрустрирование и принуждение (в межличностных отношениях со сверстниками); принижение, терроризирование, принуждение, отвержение, фрустрирование, инфантилизация (в детско-родительских отношениях). Девочки более уязвимы к таким виктимизирующим воздействиям, как принижение (в виртуальной коммуникации); инфантилизация, терроризирование, отвержение (в детско-родительских отношениях). Час-

тое повторение в их опыте межличностного взаимодействия таких ситуаций приводит к закреплению модели виктимного поведения (личностная виктимность) и ее воспроизводству в ситуациях данного вида в будущем. Около трети подростков составляют группу риска по причине формирования личностной виктимности, самокатегоризации себя как жертвы, ориентации на выделение в своем образе «Я» преимущественно дефензивных черт личности, формирования по отношению к себе амбивалентных чувств (жалость/отвращение, стыд).

Полученные результаты эмпирического исследования могут быть положены в основу разработки коррекционно-развивающих программ, нацеленных на формирование у подростков навыков суверенного поведения в тех системах межличностных отношениях, в которых они с наибольшей вероятностью воспроизводят модель поведения по типу жертвы, а также на овладение ими инвариантными и вариативными конструктивными стратегиями совладания с различными формами виктимизирующих воздействий, проявляемых различным социальным окружением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яценко, Т. Е. Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Сер. Пед. науки. Психол. науки. Филол. науки. – 2019. – Вып. 9. – С. 127–134.
2. Воронина, С. И. Виктимность в современном мире: язык толерантности или дискриминации? / С. И. Воронина // Социально-гуманитарные проблемы современности : сб. науч. тр. – Белгород : АПНИ, 2020. – С. 23–26.
3. Беленко, С. С. Разработка понятия «виктимблейминг» в России и за рубежом / С. С. Беленко // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Психология». – 2019. – № 4. – С. 53–56.
4. Сериков, А. Е. Маргинальные жертвы как феномен культуры / А. Е. Сериков // Междунар. журн. исслед. культуры. – 2020. – № 1. – С. 132–142.
5. Christie, N. The Ideal Victim / N. Christie // Revisiting the Ideal Victim : Developments in Critical Victimology ; ed. by M. Duggan. – Bristol : Policy Press : Bristol University Press, 2018. – P. 11–23.
6. Андронникова, О. О. Онтогенетическая концепция виктимности личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / О. О. Андронникова. – Томск, 2019. – 43 с.
7. Сарджвеладзе, Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1989. – 204 с.
8. Яценко, Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах / Т. Е. Яценко // Вестн. Шадр. гос. пед. ун-та. – 2019. – № 3 (43). – С. 233–241.
9. Андронникова, О. О. Виктимная идентичность личности созависимого типа / О. О. Андронникова // Сиб. пед. журн. – 2017. – № 2. – С. 92–97.

REFERENCES

1. Jacenko, T. Ye. Psikhologichieskaja sushchnost' kategorii «viktimnoje poviedienije» s pozicii subjektno-sriedovogo podkhoda / T. Ye. Jacenko // Viestn. BarGU. Sier. Pied. nauki. Psikhol. nauki. Filol. nauki. – 2019. – Vyp. 9. – S. 127–134.
2. Voronina, S. I. Viktimnost' v sovriemiennom mire: jazyk tol'erantnosti ili diskriminacii? / S. I. Voronina // Social'no-gumanitarnyje problimy sovriemiennosti : sb. nauch. tr. – Bielgorod : APNI, 2020. – S. 23–26.
3. Bielienko, S. S. Razrabotka poniatija «viktimblejming» v Rossii i za rubezhom / S. S. Belenko // Viestn. Omskogo un-ta. Sier. «Psikhologija». – 2019. – № 4. – S. 53–56.
4. Sierikov, A. Ye. Marginal'nyje zhertvy kak fienomien kul'tury / A. Ye Sierikov // Miezhdunar. zhurn. isslied. kul'tury. – 2020. – № 1. – S. 132–142.
5. Christie, N. The Ideal Victim / N. Christie // Revisiting the Ideal Victim : Developments in Critical Victimology ; ed. by M. Duggan. – Bristol : Policy Press : Bristol University Press, 2018. – P. 11–23.
6. Andronnikova, O. O. Ontogienietichieskaja koncepcija viktimnosti lichnosti : avtorief. dis. ... d-ra psikhol. nauk : 19.00.13 / O. O. Andronnikova. – Tomsk, 2019. – 43 s.
7. Sardzhveladze, N. I. Lichnost' i jejo vzaimodiejstvije s social'noj sriedoj / N. I. Sardzhveladze. – Tbilisi : Meczniereba, 1989. – 204 s.
8. Jacenko, T. Ye. Vzaimosviaz' viktimnoj dieformacii lichnosti i sklonnosti k viktimnomu poviedieniju v podrostkovom i junosheskom vozrastax / T. Ye. Jacenko // Vestn. Shadr. gos. pied. un-ta. – 2019. – № 3 (43). – S. 233–241.
9. Andronnikova, O. O. Viktimnaja identichnost' lichnosti sozavisimogo tipa / O. O. Andronnikova // Sib. pied. zhurn. – 2017. – № 2. – S. 92–97

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.03.2021